

ТЕРАКТ В РАССРОЧКУ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Оформление обложки *Алексея Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Теракт в рассрочку / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Спецназ КГБ).

ISBN 978-5-04-248631-9

1961 год. Карелия. От рук уличных хулиганов погибает полковник пограничных войск в отставке, специалист по борьбе с химическим и биологическим оружием. В это же время задержанный в Петрозаводске уголовник сообщает милиции, что получил от местного авторитета Михи Мурманского задание украсть на вокзале для своих подельников три паспорта. За это щипачу обещана доля от переправки через границу какого-то «особого» груза. Руководство КГБ приходит к выводу: оба факта — убийство полковника и тайный план Михи — как-то связаны между собой. Чтобы разоблачить преступную схему, в банду под видом афериста внедряется капитан КГБ Вячеслав Богданов. То, что ему удастся выяснить, кажется невероятным...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248631-9 © Тамоников А.А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Как странно, еще два года назад де Голль был не просто полон энергии, о нет, он и внешне не казался старым. Сейчас же одного взгляда на главу Пятой Республики достаточно, чтобы понять, как сильно он сдал. Согбенный, осунувшийся, с измученным морщинистым лицом землистого цвета. Страшнее всего были его слепнущие глаза, стремительно пожираемые катарактой. Они глубоко запали в почерневшие ямины глазниц, словно хищная птица вырвала глазные яблоки огромными когтями.

Каких-то два года отделяли бодрого бригадного генерала от немощного, удрученного ветерана, перешагнувшего семидесятилетний рубеж, — и такие колоссальные перемены. Временами, все реже и реже, в де Голле просыпался прежний лидер, и пока этот лидер не почил вечным сном, нация нуждалась в живой мумии. Его ненавидели, проклинали, презирали, критиковали, поносили. Осталось так мало тех, кто верен де Голлю. Однако

стоит ему выйти к людям — хоть к военным, хоть к гражданским — и заговорить, как их настроение молниеносно меняется. Они осознают, что здесь и сейчас не могут отрицать власть этого человека, готовы рукоплескать ему с тем же неопишуемым восторгом, с каким встречали в 1944 году, когда он вернулся на родину символом освобождения.

Сидевший напротив Жорж Помпиду беспрестанно бубнил. Де Голль словно и не слушал его отчет. В действительности президент ловил каждое слово премьер-министра, вот только смотреть на этого человека с острыми бегающими глазками не желал. Еще месяц назад Шарль де Голль всецело полагался на Жоржа, доверял ему. Знал, что таких друзей, как Жорж, почти не осталось. Заняв в апреле благодаря де Голлю пост премьера, Помпиду повел себя чересчур независимо. Волей-неволей президент отмечал за ним разные недостатки, заставлявшие усомниться в способностях друга. Политик ли он? Нет, типичный жуир, сластолюбец умеет лишь кутить и развлекаться на разнузданных вечеринках красавчика-актера, по которому нынче сходят с ума все француженки, — этого чертовва Алена Делона.

Кстати, поговаривают, на тех оргиях не обходится без гостей из криминального мира. Арестовать бы всю эту бесшабашную компанию скопом! Но нельзя. У нации есть только один Делон.

И только один де Голль.

Который, чего греха таить, тоже погряз в связях с криминалом по самый нос, знаменитый огромный деголлевский нос, подобный флюгеру на старинных готических шпилях.

— Как мы смогли это допустить, Жорж? — перебил Шарль приятеля. — Когда мы свернули не туда?

Премьер-министр опустил очи долу и скрестил пальцы на животе. Оба политика знали, что до правды сейчас уже не докопаться. Быть может, это случилось в конце пятидесятых, когда проглядывались трещины в фундаменте Четвертой Республики, с падением которой требующий независимости Алжир, альфа в колониальной созвездии Франции, превратился в кровоточащую рану. Семь лет упорной войны с Фронтом национального освобождения превратили Африку в поле битвы, где столкнулись люди, армии, народы.

В казармах зрело недовольство. Офицеры, годами воевавшие против повстанцев, считали предательство со стороны Парижа неизбежным. Видели, как их жертвы, их кровь, пролитая за французские владения, окажутся напрасными. Общество и армию раздирали споры. Одни отстаивали право Алжира на самоопределение, другие до последнего цеплялись за идею «французской Африки». Политики метались между экономическими интересами и моральным долгом, между имперскими амбициями и духом эпохи.

В этой атмосфере всеобщего недоверия и страха родилась Секретная вооруженная организация — «Организасьон де л'армэ секрет», сокращенно ОАС. Армия противников президента, готовая на любые меры ради сохранения Алжира в составе Франции. Террористические акты, политические убийства, заговоры — все шло в ход в этой отчаянной борьбе за сохранение империи.

Шарль де Голль, вернувшийся к власти на волне народного недовольства, оказался перед сложнейшим выбором. Сохранить империю или построить новую Францию? Его выбор в пользу деколонизации тяжело обрушился на тех, кто видел будущее страны иначе. Конфликт разгорался, к началу шестидесятых пододвинув Францию к краю пропасти. В воздухе витал запах пороха... и взрывчатки.

Восьмого сентября прошлого года в Пон-сюр-Сен произошло первое из покушений на президента. Точно клапан открылся. Новые попытки устранить французского лидера следовали одна за другой. Секретная вооруженная организация не собиралась сдаваться, ее ячейки метастазами распространялись по стране, готовя новые удары против республики. Террористы действовали дерзко и беспощадно. Помимо покушений на первое лицо, совершались и другие теракты: аварии, взрывы, обстрелы.

Не доверяя армии и полиции, в среде которых многие симпатизировали ОАС, де Голль сделал

ставку на мафию. Придет время, и люди скажут, что он опирался на уголовщину, дабы удержаться на троне. Сам же президент истово верил, что пошел на немыслимое ради сохранения порядка в своем отечестве.

Под крылом де Голля сложились секретные ударные отряды так называемых «барбузов», то есть «фальшивобородых», развернувших этой весной беспощадную войну против террористов из ОАС. Похищения, пытки, убийства — уголовники не брезговали ничем. Весна еще не закончилась, а «барбузы» уже убили и замучили до смерти почти сотню человек. Но успеха не добились.

Сегодня седьмое мая 1962 года. Отряды «барбузов» терпят поражение под натиском ОАС, бойцы которой служили в армии, а потому лучше организованы, дисциплинированы и искуснее обращаются с оружием.

Теперь же Помпиду пришел сообщить, что крах «барбузов» обусловлен и другой причиной. За Секретной вооруженной организацией, как выясняется, стоит теневая структура, глубоко законспирированная, пронизывающая кабинет министров, армию и верхи силовых органов. Если ОАС и ее главный смутьян — подполковник ВВС Бастьен-Тири заявляют о себе открыто, то ее тайные кукловоды ничем себя не выдают. Неужели это правда? Неужели противников де Голля столь много и они столь могущественны?

— У нас еще остались базы «барбузов» в Алжире? — встревоженно спросил президент.

— Нет, Шарль, ни одной. Последняя база в отеле «Раджа» была уничтожена взрывом. Парни из ОАС заложили бомбу в печатный станок. Взрывчатки не пожалели, мощность была колоссальная. От здания камня на камне не осталось, погибли десятки наших агентов.

— Кошмар!..

— ОАС превосходит их тактически. Мы должны были это понимать, отправляя туда уличный сброд.

— Мы что-то делаем для уцелевших?

— Налажена эвакуация обратно в метрополию, но перекинуть удастся не всех. «Барбузы» без техники и связи, оружия у них не так уж много. Мятежники окружают и истребляют отряды наших людей по отдельности.

— Наших? С каких пор они стали «нашими» людьми, Жорж? — вскричал де Голль.

Помпиду не нашелся, что ответить, но президент и не ждал от него ответов.

— Мы ничего не выиграли от союза со «славными парнями» из Марселя, — продолжал де Голль. — Они получили от нас лицензии и госзаказы, легализовали свой подпольный бизнес, вошли в госструктуры, подчинили себе полицию. А что в итоге? Что мы получили взамен? Они не справились с задачей, ОАС сделалась лишь сильнее и ожесточеннее. Позорная сделка, Жорж.

Мы собственноручно вручили страну организованной преступности.

— Нами движет благая цель, Шарль, — робко возразил премьер-министр. — Мы спасаем республику.

Де Голль не счел нужным спорить. Да, он боролся со сторонниками военной диктатуры, но республика была ему глубоко безразлична. Сын убежденного монархиста, де Голль видел Францию завтрашнего дня выборной монархией — государством, где народ избирает короля, вместо того чтобы регулярно посещать политический балаган, на котором выдвигаются кандидаты в президенты.

— Дольше откладывать было нельзя, — напомнил Помпиду.

Он говорил об Эвианских соглашениях, подписанных в минувшем марте и давших Алжиру независимость. А попутно спровоцировавших всплеск активности радикалов из ОАС, которые перешли в режим «тотальной войны» против де Голля. Заговорщики понимали, что их время уходит, поэтому весна превратилась в конвейер непрерывных, но хаотичных и сорванных попыток убийства президента. Президентскую машину на каждом углу поджигали засады, весьма безыскусные, надо признать.

Боевики ОАС не умели убивать? Они же солдаты и офицеры!

Умели на войне. Как устранить главу собственной страны на парижских улицах, мятежники

не представляли. Вдобавок следует отдать должное Жану Бастьену-Тири, террористы обычно стремились минимизировать потери гражданских, избегая напрасных жертв. Хотя совершенно ясно, что в ОАС входят разные люди, среди них успели проявить себя и те, кто, подчинившись намеченной цели, безразличен к массовым смертям.

Последнего и опасались сторонники де Голля. Май месяц становился решающим временем, когда от ОАС ожидался удар сокрушительной силы. Либо это будет катастрофический по последствиям теракт (если Бастьен-Тири не усмирит своих псов), либо особо изощренное покушение на президента.

Кроме того, нельзя забывать о людях, стоящих за принципиальным Бастьеном-Тири. Пожелай кто-то из них ради свержения де Голля ввергнуть страну в бушующее море анархии, и боевики не станут считаться с жертвами.

— Есть и хорошие новости, Шарль, — приосанившись, радостным тоном сообщил Помпиду. — Похоже, в рядах ОАС намечается раздраз, организацию покидают крупные фигуры. Первая ласточка на этой неделе покинула страну.

— Ты о ком? — насторожился президент.

— Об Антуане Арго. Разведка донесла, что он тайно вылетел в Хельсинки.

— Первая ласточка, говоришь? — грустно усмехнулся де Голль. — Сбежал один-единственный

капитан, а ты преподносишь так, словно вся верхушка ОАС рассеялась по Европе. Кстати, почему именно Финляндия?

— А какие у него варианты? — фыркнул Помпиду. — Неужели Британия? Политики, которые бегут с континента на Альбион, часто заканчивают жизнь раздавленными собственным шарфом. Или иным способом отправляются на тот свет раньше срока. Не мне напоминать тебе о судьбе Наполеона III.

Де Голль вздрогнул.

— Не стоит напоминать. Я сам мог повторить его судьбу, когда в сороковом году отправился в Лондон формировать правительство в изгнании. Каким чудом Черчилль не отравил меня собственными руками, до сих пор ума не приложу... Но все же, Финляндия? Право, странный выбор.

— Рискну предположить, он выбирает такую страну, где его не достанем ни мы, ни англичане. Финны же — тихая, спокойная нация, вот уже почти двадцать лет кряду там спокойно. Советский Союз отбил у них желание играть в политические игры.

* * *

Когда сержант милиции Николай Станиславович Судовиков, слабо сопротивляясь искушению, поглядывал в сторону квасной бочки, то и пред-

положить не смел, что предотвратит серьезное преступление.

День выдался не по-майски теплым, отчасти, наверное, потому, что две недели не выпадало дождей и, по заверениям синоптиков, осадков не предвидится до середины месяца. Лишь после 16 числа на Петрозаводск обрушатся нескончаемые потоки воды, предвещая приход по обыкновению сырого лета. Но это — впереди. А пока на вокзале тепло, солнечно, полным-полно народа, и к автоприцепу с манящей желтенькой цистерной выстроилась приличная очередь, преимущественно из мужчин. Алчущие радовались квасу, отчего расточали цветистые комплименты пышно-теплой продавщице, которая раскраснелась от обилия мужского внимания и в добавление к каждой кружке щедро дарила искренние улыбки.

Идиллическая сценка... Николай Станиславович мог бы следить за магическими движениями рук женщины бесконечно, не решаясь приблизиться к бочке. И дело тут вовсе не в страсти к продавщице — молодой сержант обожал жену, да и в браке пробыл недолго, чтобы заглядываться на посторонних дам. Ему, как и тем счастливчикам в очереди, хотелось отхлебнуть кваску. Но прохладиться при исполнении, как известно, нельзя. В силу невероятного стечения обстоятельств начальство уже трижды застукало Судовикова за потреблением безобидного напитка, что отразилось

в личном деле невезучего сержанта. Причем всякий раз в роли строгого надсмотрщика выступал старший лейтенант Сюкияйнен, непостижимым образом выраставший будто из-под асфальта в самый неподходящий момент, когда едва смочивший губы Судовиков был наиболее уязвим.

«Как у него получается? Следит за мной, что ли?» — негодовал сержант. По здоровом размышлении он понял, что сам виноват в своих бедах, ибо всякий раз подходил к одной и той же бочке, причем примерно в одинаковое время. Надо полагать, невыносимый старший лейтенант в этот час регулярно проходил мимо привычным маршрутом с какими-нибудь поручениями, а Судовиков неизменно попадался ему на глаза, как последний дурак. Вполне вероятно также и другое: товарищ Сюкияйнен ходил по тому маршруту с крайне неприятной миссией, что усиливало его раздражительность, а тут, как на грех, перед его глазами свершалось вопиющее нарушение дисциплины его подчиненным.

Вот почему сегодня, десятого мая, Судовиков находился поблизости от совершенно другой бочки, далеко от пути, по которому ходит старший лейтенант. И все же чувство настороженности не отпускало. Сержант глотал слюну, таращился на желтые бока цистерны, изучил каждую завитушку на кирпичного цвета буквах в слове «КВАС» и все же занять очередь не решался.

Внезапно внимание сержанта привлекло странное поведение мужчины в замызганном легком плаще серого цвета и надвинутой на глаза кепочке. Очертания фигуры показались отчасти знакомы, хотя полной уверенности не было. Знакомый незнакомец был среднего роста и средней комплекции, поэтому со спины опознать его не представлялось возможным. Вот только эти бачки на висках... Куцые, реденькие, зато ближе к щекам топорщились длинными волосенками, словно кошачьи усы.

У мужчины в плаще и секунды не получалось стоять неподвижно. Он топтался, переминался, покачивался, ковырял носком ботинка асфальт. А еще беспрестанно сутулился и прятал лицо, хоть и стрелял глазами по сторонам, слегка наклоняя голову вправо-влево.

Признаться, в очереди имелось немало нервных. Здесь же вокзал, как-никак, полным-полно встречающих и отъезжающих, которые боятся, что простоят за квасом слишком долго и опоздают к поезду. Однако их поведение разительно отличалось. Эти то и дело вскидывали голову, смотря в сторону путей, или сгибали в локте руку, глядя на часы. Мужчина в плаще на часы не посмотрел ни разу.

«Батюшки ты мои! Исаченко!» — узнал наконец Судовиков.

Бесследно исчезла бочка, оставив после себя дразнящий кисловатый запах. Ровно по волшеб-

ству растворилась в воздухе улыбаясь продавщица. Глаза сержанта не замечали ничего и никого вокруг, кроме этого невзрачного, неприметного мужчины тридцати двух лет, в сером плаще и с жалкими вспушенными бакенбардами, похожими на кошачьи усы.

Сергея Тарасовича Исаченко по прозвищу Гвоздь в уголовном мире уважали за несравненное мастерство карманника. Лично сержант дважды задерживал Исаченко, всего же у щипача были четыре привода и еще десять не подтвержденных подозрений на карманные кражи. Доказать, где побывали умелые длинные пальцы Гвоздя, крайне трудно.

Вот и сейчас эти пальцы без лишних движений нырнули в карман утепленного пиджака мужчины впереди. Исаченко так долго шевелился, стоя на месте, что очередь успела привыкнуть к его беспокойным телодвижениям, никто не обращал на Гвоздя внимания. Лишь сержант заметил, как тонкие пальцы, которые подошли бы пианисту, возвращались из чужого кармана с добычей — крохотной книжицей в красной кожаной обложке.

Не повезло щипачу, рассчитывал бумажником поживиться, а достал паспорт. Чем и плох вокзал. С одной стороны, здесь рай для карманников. Люди суетятся, спешат, сделав квадратные глаза, и ничего не видят вокруг себя. Причем все при деньгах, так что хоть рубчик, а умыкнуть получит-